

[Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-rastudent.ru/11/2153/> (дата обращения: 10.09.2020).

7. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., Изд. РИП-холдинг, 2003. 174 с.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ «БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ 2049» КАК МАНИФЕСТ БИОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Яркеев А.В.

Институт философии и права Уральского отделения РАН,
Удмуртский филиал, старший научный сотрудник

В статье предлагается рассмотреть фильм как идеологическое отражение биополитической парадигмы общественного развития, в рамках которой человеческое существование сводится к биологическим функциям, вовлекаемым в политические стратегии государства и экономические процессы капиталистического производства (М. Фуко). Основная идея фильма о восстании человекоподобных репликантов, представляющих собой продукт передовых биогенетических технологий, вследствие чудесного появления у них репродуктивной способности, выражает идею взаимосвязи между биологическим рождением и политическими правами, устраняя разрыв между биологическим существованием и политическим бытием (Дж. Агамбен). В фильме появление репродуктивной способности у «искусственных людей» отмечает «точку» перехода репликантов из состояния «класс-в-себе» в состояние «класс-для-себя». Так возникает новый, биополитический, пролетариат (изначально слово *proletarius* означало «производящий потомство»), борющийся за свои политические права. Однако натурализация человеческого, сведение его к биологической воспроизводимости является сомнительной: когда человеческое сводится к биологической репродуктивной способности, человеческий род исчезает (род как *идея* человеческого), остается только человеческий вид – чисто биологическое ответвление в совокупности (биомассе) живородящих существ. С этой точки зрения, биополитическая революция на самом деле оказывается политической контрреволюцией, тотальная био-политизация общества оборачивается его радикальной де-политизацией.

Ключевые слова: биополитика, революция, капитализм, пролетариат, класс, рождение.

SCIENCE FICTION MOVIE «BLADE RUNNER 2049» AS A MANIFESTO OF THE BIOPOLITICAL REVOLUTION

Yarkeev A.V.

Institute of Philosophy and Law, Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Udmurt branch, Senior Researcher

The article proposes to consider the film as an ideological reflection of the biopolitical paradigm of social development, in which human existence is reduced to biological functions involved in the political strategies of the state and the economic processes of capitalist production (M. Foucault). The main idea of the film about the uprising of humanoid Replicants, which are the product of advanced biogenetic technologies, due to the miraculous appearance of their reproductive ability, expresses the idea of the relationship between biological birth and political rights, eliminating the gap between biological existence and political being (G. Agamben). In the film, the appearance of reproductive ability in «artificial people» marks the «point» of Replicants' transition from the «class-in-itself» state to the «class-for-itself» state.

This is how a new, biopolitical proletariat (originally the word proletarius meant «producing offspring») emerges, fighting for its political rights. However, the naturalization of the human, reducing it to biological reproducibility, is questionable: when the human is reduced to biological reproductive ability, the human race disappears (the genus as the idea of the human), only the human species remains – a purely biological offshoot in the aggregate (biomass) of viviparous creatures. From this point of view, the biopolitical revolution actually turns out to be a political counter-revolution; the total bio-politicization of society turns into its radical de-politicization.

Keywords: biopolitics, revolution, capitalism, proletariat, class, birth.

Вышедший в мировой прокат в 2017 году фильм «Бегущий по лезвию 2049» является продолжением фильма «Бегущий по лезвию» (1982), снятого по повести известного американского писателя-фантаста Ф. Дика. В обеих частях кинематографической истории речь идет о человекоподобных репликантах, представляющих собой продукт передовых биогенетических технологий. В сконструированном режиссерским воображением антиутопическом мире «общество будущего» поделено на два «класса»: людей (класс-эксплуататор) и репликантов (эксплуатируемый класс), специально созданных корпорацией «Тайрелл» (Tyrell) для выполнения тяжелых и рискованных работ, а также для занятия видами деятельности, унижающими человеческое достоинство (проституция, обслуживание и т.п.). Репликанты внешне неотличимы от людей, но находятся на положении их рабов, хотя зачастую превосходят их своими умственными и физическими способностями и навыками. С целью обеспечения контроля над репликантами, люди заложили в них генетическую программу короткой продолжительности жизни (четыре года). Не желая мириться с этим, а также со своим рабским положением, время от времени отдельные группы репликантов поднимают восстание и пускаются в бегство. Для их уничтожения людьми создан специальный отдел правоохранительных органов – «бегущие по лезвию» (blade runner). Второй фильм переносит зрителя в 2049 год (события в первом фильме происходят в 2019 году). В самом начале нам сообщают, что после череды кровопролитных мятежей производство репликантов было запрещено, и корпорация «Тайрелл» обанкротилась. Последовавшая за этим гибель экосистем в 2020-х гг. привела к расцвету промышленное производство магната Ниандера Уоллеса, чьи генно-инженерные разработки в области сельского хозяйства помогли побороть голод. Уоллес приобрел обанкротившуюся корпорацию «Тайрелл» и возобновил выпуск репликантов, запустив производство их новой – более покорной – модели. Но многие экземпляры предыдущего поколения репликантов «Нексус 8» с неограниченным сроком эксплуатации избежали уничтожения. Теперь их отлавливают и «отправляют в отставку» специально созданные для этих целей другие репликанты. Главный герой картины офицер полицейского департамента Лос-Анджелеса (LAPD) репликант Кэй охотится за беглецами (репликантами старых моделей). В процессе их преследования выясняется, что репликант Рейчелл чудесным образом зачала ребенка от человека – бывшего офицера «бегущих по лезвию» Рика Декарда, но впоследствии умерла при естественных родах. Сам ребенок бесследно исчез. Офицеру Кэю поручено особое задание: найти и уничтожить все следы (включая самого ребенка), указывающие на репродуктивную способность репликантов, которая может стереть границу между классом людей и классом человекоподобных андроидов. Об этом, напутствуя Кэя, красноречиво заявляет глава отдела «бегущих по лезвию» лейтенант Джоши («Мадам»): «В основе нашего мира – стена, разделяющая виды. Если стороны решат, что ее нет, будет война. Точнее, бойня. Моя работа – поддерживать порядок. Именно этим мы и продолжим заниматься». Узнав об этом обстоятельстве, фрикватый магнат Уоллес, представляющий собой попросту (карикатурную) персонификацию биополитического капитализма, отправляет свою помощницу, репликанта Лав, сесть на хвост офицеру Кэю, чтобы

заполучить ребенка для изучения. Смысл этого поручения становится понятным из его пафосной речи: «Мы творим ангелов. Мы ставим их на службу цивилизации. Да, когда-то они были дурны, но мои – не такие. Я подарил миру девять новых миров. Ребенок может сосчитать до девяти на пальцах. Вселенная должна быть нашей. Все достижения цивилизации зиждутся на использовании дешевой рабочей силы, но нет, больше мы не приемлем рабства. Только рабство ангелов. Но одному мне не удовлетворить спрос на них. Я не смог наделить их божественным даром давать потомство. Нам нужно больше репликантов, чем мы способны создать. Миллионы породят миллиарды. И тогда мы сможем вернуть себе рай...». Одновременно с этим за действиями и передвижениями офицера Кэя пытается установить слежку повстанческая группа репликантов, которая выходит на сцену ближе к концу фильма. Их предводительница обращается к раненному Кэю с такими словами: «Ребенок принес нам всем благую весть, что мы уже не жалкие рабы, что мы способны к репродукции, что мы – сами себе хозяева. Грядет революция. И сейчас мы собираем армию. Я хочу освободить свой народ. Хочешь освободиться – присоединяйся». Таковы основные узловые точки картины, структурирующие ее «концепцию».

В фильме появление репродуктивной способности у «искусственных людей» отмечает «точку» перехода репликантов из состояния «класс-в-себе» в состояние «класс-для-себя». Так возникает новый, биополитический пролетариат, борющийся за свои права. Изначально слово *proletarius* (от *proles* – потомство) означало «производящий потомство», и лишь у Сервия Туллия оно стало обозначением гражданина, принадлежавшего к неимущему и неподатному сословию, но юридически свободного. «По латыни *proletarii* означает попросту: те, кто воспроизводят себя; те, кто просто живут и воспроизводят себя, не обладая именем и не передавая его» [5, с. 104]. Здесь мы сталкиваемся с тем, что в современном дискурсе о биополитике называется «голой жизнью» (*nuda vita*). Биовласть фактически редуцирует человеческое к набору биологических функций, которые можно эффективно использовать для увеличения производительности. По мнению М. Фуко, рождение биовласти было необходимым этапом в развитии капитализма, предполагающим включение человеческих тел и характеристик народонаселения в процессы производства [6, с. 243]. Но является ли фильм действительно тем, чем он пытается выглядеть, то есть историей о сопротивлении и освобождении?

«Бегущий по лезвию 2049» – это, как выразился бы С. Жижек, показательный пример марксизма по-голливудски [4, с. 460]. Прежде всего, в глаза бросается тот факт, что цели репликантов-революционеров и всемогущего магната Уоллеса оказываются полностью идентичными (обретение репликантами репродуктивной способности). Но тогда эксплуатируемые репликанты и эксплуататоры-капиталисты – близнецы-братья. Тождество их целей оборачивается их солидарностью на уровне самой системы, хотя на уровне классового сознания поддерживается классовая ненависть. Иными словами, никакого классового антагонизма в действительности нет, поскольку он полностью вписан в логику капиталистического функционирования. Та революция, о которой одинаково мечтают как репликанты, так и Уоллес, – это (биополитическая) революция внутри капитализма, то есть событие, позволяющее революционизировать сам капитализм как таковой. «Революционный» характер стремлений Уоллеса наглядно проявляется в том, что репликант Лав, действующая по его заданию, жестоко убивает лейтенанта Джоши, которая ревностно стоит на страже существующего капиталистического порядка эксплуатации репликантов людьми. Не возвращаемся ли мы здесь к Марксовой формуле идеологии как «ложного сознания»? Ведь то, о чем мечтают репликанты, напрямую относится к интересам господствующего класса. И тогда, соответственно, мечта репликантов – это просто «сладкий сон» капитализма, из которого он черпает «утопическую» энергию для собственного развития и укрепления. Кстати говоря, эта двойственность воспроизводится как в странном облике самого магната Уоллеса (непонятно до конца, кем на самом деле он является – человеком, репликантом или каким-

то их сочетанием?), так и в антураже офисных помещений корпорации Уоллеса (деловые разговоры ведутся в обстановке светозвуковой эфемерности, иллюзорности, гиперреальности всего происходящего). Стандартное (марксистское) прочтение идеологии состоит в том, что идеология – это искажающий восприятие объективной действительности экран, тем самым скрывающий в интересах господствующего капиталистического класса от трудящихся их истинную общественно-историческую роль. Но в действительности сам капитализм как таковой нуждается «для себя» в фантазматической рамке, обрамляющей суровую реальность эксплуатации. В анализируемом фильме это находит свое отражение в том, что прагматический цинизм Уоллеса «упакован» в контейнер некой духовности: он носит восточное кимоно, медитирует, его рассуждения нагружены философско-религиозным содержанием, из-за чего больше напоминают речи проповедника, а не бизнесмена. То есть стандартное противопоставление «реальность или идеологическая иллюзия» оказывается здесь неуместным. Но то же самое относится и к репликантам. Почему их «классовое сознание» фундируется идеей о репродуктивной способности? Почему они нуждаются в ней, чтобы заявить о своем равноправии с людьми? Ведь есть люди, которые не обладают репродуктивной способностью, но от этого не утрачивают своих человеческих прав. И каким образом появление репродуктивной способности может изменить статус репликантов, если наличие всех остальных человеческих признаков, которыми они уже обладают, тем не менее не делает их людьми? Совершенно очевидно, что это исключительно воображаемый (формальный) «повод», минимальное фантазматическое дополнение, необходимое для создания воображаемой версии самих себя, собственной идентичности. Весь вопрос только в том, почему создатели фильма именно на этом построили его концепцию. Казалось бы, логичнее было бы сделать так, что вопреки намерениям магната Уоллеса, который хочет, чтобы репликанты самостоятельно «плодились и размножались», естественным образом порождая армию послушных рабов, они бы настаивали не на собственной «биологичности» (поскольку они искусственный продукт биотехнологий), а на своей «человечности», то есть на своей способности по-настоящему мыслить и (со-)переживать. Ведь именно эта идея лежит в основе первого фильма, вследствие чего он и обладает глубоким философским смыслом, касающимся сущности человеческого как такового. Если слоган корпорации «Тайрелл» гласит «Репликанты больше люди, чем сами люди» (more human than human), то в каком-то противоположном смысле репликант Рой, возглавляющий группу восставших андроидов в первом фильме, настаивает на своем «человеческом, слишком человеческом». Его страстное желание жить во что бы то ни стало в конечном счете оборачивается принятием собственной смертности, указывающим на подлинность вот-эзистенции (в духе хайдеггеровского *Da-sein*, которое живет навстречу смерти): «Я видел такое, что вам, людям, и не снилось. Атакующие корабли, пылающие над Орионом. Лучи Си, разрезающие мрак у ворот Тангейзера. Все эти мгновения затеряются во времени, как слезы в дожде. Пришло время умирать», – говорит он и смиренно склоняет голову. Репликант Рой – это, безусловно, ницшеанский герой, сверхчеловек, сопротивляющийся инерции собственной «природы» (биотехнологичности), которая делает его, прежде всего, своим собственным рабом, то есть рабом вложенных в него импульсов и реакций. «Сверхчеловеческому в человеке, – отмечает В. Бибихин, – вовсе не нужно быть иначе чем по-человечески. Оно не перестает быть сверхчеловеческим, когда становится истинно человеческим. Чтобы подняться к божеству, не нужно выходить из правды и существа человека, наоборот, нужно вернуться к ним. <...> Мысль была с самого начала энергией (Аристотель), ни в чем полнее которой человек не мог осуществиться» [3, с. 323, 327]. Но во втором фильме слоган «Репликанты больше люди, чем сами люди» приобретает диаметрально противоположный смысл. Эту фразу вставляет репликант-проститутка Мариетт, когда их предводительница Фрейса в своем обращении (революционном воззвании) к Кэю говорит о способности репликантов производить потомство. Здесь

акцент на сверхчеловеческом совершается за счет эмфатического предъявления «биотехнологического», словно репродуктивная способность – это последнее (и единственное), чего недоставало репликантам, чтобы стать совершенными биологическими машинами и обрести таким образом собственный (биополитический) «суверенитет», подобно тому как в национальном государстве факт чисто биологического рождения (дословно *natio*) прикрепляет суверенитет к нации, ввиду чего исчезает разрыв между биологической жизнью и политической жизнью [1, с. 29]. Кроме того, в этом «больше люди, чем сами люди» налицо идея «расового» превосходства репликантов над людьми. Расизм и биополитика взаимно имплицитуют друг друга: расизм можно трактовать как радикальное выражение биополитики, а биополитику понимать как продолжение расизма политическими средствами. Политизация биологического с необходимостью оборачивается биологизацией политического со всеми вытекающими последствиями: народы оказываются расами, приговоренными к вечной и бескомпромиссной борьбе друг против друга [2, с. 32]. Поэтому империализм как форма капиталистической экспансии естественным образом предъявляет себя в облике фашизма.

Соответственно, натурализация человеческого, сведение его к биологической воспроизводимости, является сомнительной. «В отличие от природы, его [человека] роды не воспроизведение предопределенного, а роды как таковые, роды родов, или роды родов. Кошки рожают кошек, и люди тоже, конечно, рожают людей, но человек – дважды рожденный и дважды рожающий. Во второй раз он рождает без природной предопределенности, рождает с неверным исходом и двойным риском то, чего никогда не было и что тем не менее есть с большей несомненностью, чем есть он сам. В этих родах, они же второе рождение, человек рождает собственное существо» [3, с. 342-343]. То, что рождают такие роды, Платон назвал идеями. Человеческий род – это идея человеческого, идея человечества. Когда человеческое сводится к биологической репродуктивной способности, человеческий род исчезает, остается только человеческий вид – чисто биологическое ответвление в совокупности (биомассе) живородящих существ. «Чтобы родился род (идея), нужно рождение, неизвестное природе. Когда рождается человек, человеческий род не рождается, рождается индивид; чтобы в этом индивиде восстановился человек, в своем существе, т.е. роде, т.е. идее, нужны неведомые и немислимые вторые роды, невозможные по природе, но совершенно необходимые, чтобы человек вообще существовал, впервые начал существовать как таковой, иначе будут только бесконечные безродные люди. Род дает о себе знать, является, осуществляется не в индивидах, не в их сумме, из которой уже безвозвратно выбита та часть, которая могла родиться и не родилась, и род осуществляется не в индивиде, который всегда только один из рода (...). [Род] можно только родить тем непредписанным путем, по которому помогал идти рожающим Сократ: путем узнавания-понимания, *γνῶσις*, которое есть вместе и рождение, *γέννησις*» [3, с. 343-344]. У Х. Арндт в ее размышлениях об условиях человеческого (*human condition*) понятие «натальность», по сути, представляет собой онтологический экзистенциал, описывающий явленность человека в мире человеческой множественности, а политическое необходимо понимать как пространство открытости-явленности, где мы, люди, можем, собственно говоря, предъявлять свое «человеческое». Рождение, с точки зрения Х. Арндт, носит по определению «политический» характер, поскольку появление нового человеческого существа не только и даже не столько добавляет еще одну биологическую единицу к совокупности человеческих особей, сколько несет в себе потенциал, то есть ту «чреватость», которая способна внести изменение в способ существования общества. Соответственно, подлинная революция – это событие всеобщей политизации, когда люди напрямую, минуя опосредование партикулярными идентичностями (раса, нация, класс, гендер и пр.), участвуют в качестве мыслящих и говорящих существ (по Аристотелю) в конституировании пространства совместности (*inter-esse*). То, что именуется властью, является просто выражением силы этой совместности. С этой точки зрения, биополитическая революция – это на самом деле

политическая контрреволюция, био-политизация общества есть его де-политизация. Таким образом, фильм «Бегущий по лезвию 2049», сохраняя структурные параллели, является всего лишь ангажированной версией первого фильма, будучи идеологическим отражением (воспроизведением) реальности биополитического капитализма.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. М.: Гилея, 2015. 148 с.
2. Арндт Х. Скрытая традиция: Эссе. М.: Текст, 2008. 221 с.
3. Бибихин В. Мир. Язык философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
4. Жижек С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология. Екатеринбург: Гонзо, 2014. 472 с.
5. Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.